

****[Маленькие Хара и Сатору, будучи близнецами, обладали глубокой ментальной связью. Глава клана Годзё хотел вырастить их порознь, чтобы, когда они подрастут, определить степень полноты Шести глаз у каждого и решить, кого из них следует убить ради избавления от проклятия близнецов. Однако стоило разлучить младенцев, как оба залились безутешным плачем, и никакие уговоры не помогали. Стоило вернуть их в одну колыбель, как крики тут же смолкли. Главе клана ничего не оставалось, кроме как продолжить воспитывать братьев вместе.]****

Глаза Годжо Хары обдало ледяным презрением, когда на огромном экране замелькали кадры их с Сатору младенчества. Предыдущий глава, Годжо Хакобу, всерьез вознамерился разлучить их. И ради чего? Чтобы выждать время, оценить силу Шести глаз и хладнокровно придушить одного из них, избавив клан от проклятия близнецов.

Пусть в реальности до этого не дошло — оба родились с безупречным Рикуганом, — сама мысль о подобном была для Хары смертным грехом. Покушением на святое.

— Хакобу совсем страх потерял, — глухо, с трудом сдерживая ярость, процедил Хара. — Решил встать между мной и братом? Дерзкая тварь.

Проклятая энергия вокруг него закипела, вздымаясь тяжелым, удушливым валом. И хотя неведомая сила, царившая в зале, сковывала любые попытки применить насилие, само присутствие Хары сделалось почти осязаемым — оно давило на плечи, мешая дышать.

Маги послабее судорожно хватали ртом воздух, а обычные люди и вовсе согнулись, будто им на плечи взвалили стотонные плиты.

Сидевшая рядом с Гэто Сугуру, Иэири Сёко прижала ладонь к груди и кашлянула:

— Хара, притормози. Из-за тебя дышать нечем.

Хара мгновенно укротил бушующую ауру. Давление исчезло без следа, вернув воздуху прежнюю легкость.

В третьей зрительской зоне слышался ровный, лишенный тепла голос. [Годжо Хара], до этого не проронивший ни слова, лениво процедил:

— Стоило обзавестись братом, как ты превратился в безрассудную посредственность. Твоими поступками верховодят дешевые эмоции, а разум пляшет под дудку сопливого мальчишки. Жалкое зрелище.

Хара медленно повернул голову. Его задевали только те вопросы, что касались Сатору. На всех прочих ему было глубоко плевать — включая собственного двойника из параллельного мира. В первую встречу Хара без колебаний попытался стереть этого субъекта с лица земли: мысль о

том, что в мире существует еще один «он», способный занять его место подле Сатору, вызывала у него глухое бешенство. Лишь убедившись, что силы их равны и бой затянется на вечность, он соизволил терпеть его присутствие.

Но выслушивать нотации от этой ледяной глыбы Хара не собирался.

— По крайней мере, у меня есть тот, ради кого стоит жить, — с ядовитой ухмылкой парировал Хара. — А ты? Торчишь на своем постаменте, точно глиняный истукан в заброшенном храме. Ни чувств, ни привязанностей — пустая оболочка. В чем смысл твоего существования? Не проще ли тебе сразу сдохнуть?

На безупречном лице □Годжо Хара□ впервые отразилась тень живой эмоции. Он перевел холодный взгляд через пустующие ряды второй зоны на Хару:

— Я, по крайней мере, живу для себя. А ты? Неужели вся твоя жизнь сводится лишь к обслуживанию интересов Годжо Сатору?

Во второй зоне Годжо-сенсей лениво поднял руку, прерывая дуэль взглядов:

— Прошу прощения, господа, но я тоже вообще-то Годжо Сатору. Давайте обойдемся без рикошета по невинным?

Сидевший рядом с Харой Сатору самодовольно выпятил грудь и так и засиял:

— И что с того, что мы с братом души друг в друге не чаем? Завидуйте молча, обделенные! Хара меня любит больше всех на свете!

Хара не сдержал мягкой улыбки. Его ладонь привычно опустилась на макушку Сатору, зарываясь в густые, шелковистые белые волосы. Тот довольно зажмурился и слегка потерся головой о руку брата, точь-в-точь как пригревшийся кот.

Глядя на эту пасторальную картину, Годжо-сенсей почувствовал, как у него, вопреки включенной Безграничности, заныли зубы.

«Ну и избалованный же паршивец» — проворчал он себе под нос.

Слишком уж этот юный Сатору напоминал его самого в те годы — та же беззаботная наглость, та же слепая уверенность в собственной исключительности. Даже круглые темные очки на носу сидели точь-в-точь так же.

Хотя Годжо-сенсей пробурчал это тихо, чуткий слух Сатору уловил каждое слово.

— Кого это ты назвал паршивцем? — оскорбился Сатору, повысив голос. — Вообще-то я постарше тебя буду!

Он без лишних церемоний перегнулся через спинку кресла, ухватил сидящего сзади Фусигуро Мэгуми за воротник и притянул к себе:

— Полюбуйтесь на этого Мэгуми! Мой Мэгуми явно старше и представительнее твоего сопляка. Значит, и моя временная шкала ушла дальше, смекаешь?

Впрочем, ярче всего разница во времени бросалась в глаза при взгляде на Кугисаки Нобару. Двдцатилетняя Нобара из первой зоны уже превратилась в роскошную, знающую себе цену девушку, успешно строившую карьеру в модельном бизнесе. Пятнадцатилетняя Нобара из второй зоны то и дело бросала на свою альтернативную версию завистливые взгляды, полные немого восхищения: «Неужели я вырасту такой крутой и сексуальной?»

Но до Нобары Сатору дотянуться не мог, поэтому в роли наглядного пособия пришлось выступать несчастному Мэгуми.

— Учитель, пустите! — раздраженно зашипел двадцатилетний Мэгуми, пытаясь высвободиться. Но пальцы Сатору держали крепко, словно стальные тиски.

Поняв, что силой вопрос не решить, Мэгуми умоляюще уставился на отца, лениво наблюдавшего за сценой:

— Пап! Ну сделай что-нибудь!

Тодзи Фусигуро, только что увлеченно сжимавший подлокотник кресла вместе с ладонью своей жены Эри, нехотя перевел взгляд на сына. Увидев его бесплодные метания, он без лишних слов выудил из кармана проклятый кинжал и резким движением полоснул Сатору по запястью:

— Слышь, белесый, руки убрал от пацана.

Сатору даже не шелохнулся — лезвие со звоном отскочило от невидимого барьера Безграничности. Тогда Тодзи, лениво вздохнув, достал из-за пазухи кусок Черной веревки, способной сводить на нет чужие техники.

Сатору тут же разжал пальцы:

— Тьфу ты, какой заботливый папаша выискался.

Мэгуми сердито поправил воротник и бросил взгляд на родителей. Тодзи, поймав предупреждающий взор своего нанимателя и по совместительству старшего брата Сатору —

Хары, благоразумно припрятал и кинжал, и веревку. Против босса и его семейки не попрешь. Он просто протянул тяжелую ладонь и небрежно взъерошил черные, торчащие во все стороны волосы сына.

— Ну ты и тормоз, папа, — буркнул Мэгуми, хотя уворачиваться от отцовской руки не стал.

Эта теплая, почти будничная сцена заставила замереть пятнадцатилетнего Мэгуми из второй зоны. Он скосил глаза на полупрозрачный, призрачный силуэт мужчины, сидевшего неподалеку от него — точной копии того самого Тодзи. Неужели это его отец?..

Впрочем, подросток быстро взял себя в руки и уставился прямо на экран, делая вид, что ему все равно. В конце концов, это чужой мир. В его реальности у Годжо-сенсея не было никакого идеального старшего брата, а его собственный отец давно сгинул. Искать смысл в чужом счастье — глупая затея.

Годжо-сенсей, даже не оборачиваясь, прекрасно видел все смятение своего подопечного благодаря Шести глазам. Он лишь слегка сузил веки, продолжая краем глаза наблюдать за первой зоной. Тодзи жив, да еще и женат... Интересно, это мать Мэгуми или его мачеха?

*[По мере того как Хара и Сатору подрастали, в клане Годзё окончательно убедились: оба мальчика обладают полноценным Рикуганом. Клан ликовал, с нетерпением ожидая пробуждения их врожденной техники Безграничности. Ведь только сочетание Шести глаз и Безграничности рождало истинное всемогущество. Однако этот дар стал для детей тяжелым бременем. Из-за колоссального объема информации, непрерывно поступающей в мозг через Шесть глаз, братья страдали от частых изнурительных приступов лихорадки — детский разум физически не справлялся с бесконечным потоком данных.]***

В этот момент ракурс на огромном экране резко изменился, предлагая зрителям погрузиться в восприятие мира сквозь Шесть глаз.

Это был шок. Триста шестьдесят градусов обзора, разложенные до мельчайших атомов структуры, спектры проклятой энергии, тепловые волны, вибрации воздуха — и все это лавиной обрушилось на головы неподготовленных людей.

Зрители, за исключением четырех обладателей Рикугана, схватились за головы. Всего пара секунд этой «демонстрации» заставила их почувствовать дикую тошноту и головокружение. Мозг буквально плавился от перегрузки.

Когда пелена перед глазами рассеялась, маги посмотрели на Хару и Сатору с совершенно иным чувством. Те, кто раньше завидовал их абсолютному могуществу, теперь поняли, какую чудовищную цену эти двое платили за свою силу с самого рождения.

Особенно остро это отозвалось в душе Гэто Сугуру. Его собственная техника тоже требовала платы — удушливого, тошнотворного вкуса проклятых сфер, напоминающих грязную ветошь,

которой вытирали рвоту. Но у него хотя бы был выбор — не глотать их. А у братьев Годзё не было кнопки выключения. Их ад длился круглые сутки, без выходных и перерывов.

Сугуру невольно посмотрел на Хару и Сатору взглядом, полным глубокого, искреннего сочувствия.

Хара тут же передернул плечами:

— Сугуру, у тебя такое лицо, будто ты лимон целиком проглотил. Если с глазами проблемы — обратись к Сёко, или я могу подсобить обратной техникой.

Гэто лишь прикрыл свои и без того узкие глаза и тихо вздохнул. Жалеть этих монстров — себе дороже.

А вот Сатору сочувствие друга только раззадорило. Он тут же скорчил плаксивую мину и попытался навалиться на плечо Гэто:

— О-о-о, Сугуру! Ты даже представить не можешь, как мне было плохо! Я страдал! Пожалей меня!

— Отвяжись, чучело белое, — безжалостно отпихнул его Гэто. — Страдал он. Не смей обтирать свои сопли об мою форму.

— Сугуру! Как ты можешь быть таким бессердечным и черствым?! Где твоя эмпатия?!

— Моя эмпатия испарилась в тот день, когда я связался с тобой, — отрезал Гэто, внутренне проклиная себя за минутную слабость. Жалеть эту невыносимую белую кошару — верх глупости.

Во второй зоне Годжо-сенсей молча наблюдал за этой перепалкой, а затем перевел взгляд на полупрозрачного призрака своего Сугуру. Тот, заметив его внимание, упорно делал вид, что увлечен происходящим на экране, хотя напряжение в его плечах выдавало его с головой.

*[В возрасте четырех лет во время игры в снежки Хара и Сатору одновременно пробудили Безграничность. Старейшины и глава клана были вне себя от радости, но первым делом уволили всех служанок, позволивших детям резвиться на холоде, мотивируя это заботой об их безопасности. Однако Хара и Сатору наотрез отказались подчиняться чужой воле. Они упрямо и жестко потребовали вернуть прислугу назад. С самого детства братья не терпели контроля. Клан пытался возвести их на пьедестал как божеств, требуя при этом послушания обычных детей. Но близнецы быстро усвоили: если их считают богами, то весь клан должен подчиняться их воле без единого возражения. Особенно преуспел в этом Хара, продемонстрировав врожденный талант к интригам и умение подчинять себе людей, что не на шутку испугало верхушку клана.]***

[Вскоре старейшины созвали тайный совет в обход юных близнецов. На повестке дня стоял вопрос их обучения. Один из старейшин предложил: «Поскольку будущим главой клана суждено стать одному из них, нам следует уже сейчас начать готовить их к этой роли». Но его прервали: «Пока неясно, кто из них — Хара или Сатору — займет этот пост. Давайте не будем спешить и сосредоточимся на изучении проклятых техник». После собрания глава клана Годзё Хакобу остался в комнате один. На экране отразились его потаенные мысли: «По силе проклятой энергии Хара и Сатору равны. Но у Хары есть пугающий политический талант. Он рожден править. Однако если он возглавит клан, мы потеряем остатки контроля. Многие старейшины предпочтут видеть во главе Сатору — им будет куда проще манипулировать...»]

Сатору, досмотрев до этого момента, презрительно фыркнул:

— Надо же, какие предусмотрительные крысы. Мечтали превратить нас в ручных марионеток еще с пеленок.

Он, может, и не любил бумажную работу, но дураком никогда не был и прекрасно понимал, к чему клонили эти лицемерные старики.

Хара подпер щеку рукой, его взгляд оставался безразличным и холодным:

— К чему тратить эмоции на мертвецов, Сатору? Их мнение никогда ничего не значило.

Те старейшины, что некогда ратовали за ограничение их влияния, давно сгнили в земле. Кого-то Хара устранил быстро и жестко еще в юности, других — постепенно выдавил из клана и лишил сил. Клан Годзё принадлежал только близнецам, и никому больше.

Во второй зоне Годжо-сенсей внимательно вглядывался в лица старейшин на экране. Он узнал каждого. Именно эти дряхлые «гнилые мандарины» годами пили его кровь и ставили палки в колеса в его собственном мире.

Судя по словам Хары из первой зоны, тот просто вырезал всю эту шваль под корень.

«А я еще считал себя радикалом...» — мысленно усмехнулся сенсей. По сравнению с параллельным Харой, он со своей политикой воспитания сильного молодого поколения выглядел едва ли не мягкотелым либералом. Но мысль легла на благодатную почву: вернувшись в свой мир, определенно стоило устроить старейшинам генеральную уборку.

В четвертой зоне, где сидели обычные люди, царило гробовое молчание. Появление магов и проклятий в пух и прах разнесло их привычную картину мира. Конан Эдогава судорожно записывал детали в уме, пытаясь систематизировать законы этой безумной вселенной, а Фуруя Рэй анализировал структуру власти магических кланов с точки зрения государственной безопасности.

— Они пытались манипулировать детьми-богами, — негромко заметил Морофуси Хиромицу. — Опасная игра. Когда ты растишь тех, кто способен разрушить мир, глупо надеяться, что они будут беспрекословно слушать твои приказы.

— Да уж, — согласился Датэ Ватару. — И судя по тому, что мы видим, эти двое с самого детства видели старейшин насквозь. Особенно этот Хара. Его политическое чутье развилось раньше, чем он научился твердо стоять на ногах. Попытка сделать из таких детей послушных марионеток изначально была обречена на провал.

<http://bllate.org/book/19549/2004408>